

1717 in Festo SSS. Triumph Regum», т. е. 6 января. Далее, как видно из справки, в Прагу в ноябре 1717 г. прибыло не два, как считается обычно со времен П. П. Пекарского³² (В. Козловский и Ф. Анохин), а три студента для обучения в местном университете. Третьим был Иосиф Кречатовский.³³ Как здесь указано, первые двое будут обучаться в «логике», а последний — в «синтаксисе». По русским документам судьбы третьего студента проследить не удастся. В указанной справке содержится то, что особо важно видеть в источнике пражского происхождения, — оценка поведения русских людей на чужбине. Загруженные работой, лишенные постоянного денежного содержания, они продолжали честно выполнять свой долг, ведя себя с достоинством. Последнее не прошло мимо внимания составителя «Информации», указавшего, в частности, что русские студенты «...среди студентов жили без каких-либо скандалов». Так еще раз — теперь с чешской стороны — подтверждается, что никто из русской колонии не покинул своего поста, не был замечен в чем-то предосудительном, не изменил своим убеждениям и обычаям.

Примечательно (и это отмечал уже А. В. Флоровский), что старший в группе Ф. Кролик был каким-то образом уже ранее связан с австрийской средой, поскольку и решение о направлении его в Прагу «радостно принял, понеже издавна желал и искал разлучиться от Москвы и в Цесарии, ему любезной, быть».³⁴ При таких обстоятельствах он вряд ли мог не передать какой-то опыт, знания местных обычаев, культурной жизни своим менее осведомленным соотечественникам. Но если это только предположение, то просмотренные нами документы дают основание вполне определенно судить, что если не на всех, то, по крайней мере, на многих членов русской колонии пребывание в Праге оказало воздействие. Прежде всего это касалось учеников Славяно-греко-латинской академии Ф. Анохина и В. Козловского, посланных в Прагу для продолжения обучения в Пражском университете.³⁵ Один из них, В. Козловский, в 1721 г. докладывал в Синод:

«В прошлом 1717 г. был я нижеподписавшийся по его царского величества имянному указу послан с товарищи для либеральных наук в Прагу, где и прилежал повеленному учению (что явствует данное мне от езуитов свидетельство)».³⁶ По прохождении курса, в 1720 г., русские студенты вернулись домой. В деле по кабинетскому сообщению об определении на службу В. Козловского читаем: «В прошлом 1717 г. по указу его царского величества посланы были в Прагу латинской школы ученики Василей Козловский с прочими для окончания тех наук, и ныне он сюда приехал и послан в правительствующий Синод, которого чтоб повелено было освидетельствовать в его науке и потом определить к делу, к какому святейший Синод заблагорассудит».³⁷

Наибольшее влияние, пожалуй, Прага оказала на М. Суворова. Прибывший сюда в скромной должности писца, «ученик пиитики» не только взялся после кончины И. Воейкова за переводческие обязанности, но и воспользовался случаем для пополнения своего образования. В уже однажды упомянутой синодской справке о нем говорилось: «1716 году послан он был в Прагу для переписи переводов из школы пиитики, где слушал курс трилгней философии».³⁸ Иными словами, он окончил полный курс философского факультета Пражского университета. Делал он это по собственному почину, «за свою волю».

³² См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 238.

³³ SUA, f. 44 verso.

³⁴ А. Ф. Флоровский. Чехи и восточные славяне, стр. 442.

³⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 496, л. 2, 5.

³⁶ Там же, л. 4.

³⁷ Там же, л. 2.

³⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 526, л. 463 об.